

За жертвы, за растрату сил
Имел и лавр, и зло, и камень.

Но ты с душевной высоты
На все смотрел миролюбиво.
Певец чудесной красоты,
Ты мудрым был и жил красиво.

Прости! Песнь Ленского допета:
"Ах, Ольга, я тебя любил..."
Ты встретил солнышко рассвета
И жизнь в искусство превратил.

Сегодня траурная месса.
Мы горько плачем о тебе,
Тебя любившая Одесса
Склоняет головы в мольбе".

Внимательный читатель обратил внимание на то, что описанные события происходили не в мае, а в НОЯБРЕ. К датам, приводимым Р. И., могу добавить, что В. А. родился 7 ноября (а не октября, как указано в ее статье). Значит, прожил он семьдесят лет и десять дней. Л.Б. Затурянская (и она ушла в 2002-м году, прожив долгую, многотрудную и честную жизнь) сказала во время одной из наших встреч: "Виктор Алексеевич не был верующим, но его отпевали. Он не был ангелом, но был праведником, спасшим десятки жизней, как у нас говорили, лиц еврейской национальности, сотни людей спас от голодной смерти за счет "расширения штатов" в подведомственном ему в годы войны оперном театре. Если есть Царствие небесное, то оно для таких, как он. А на грешной земле такие люди должны жить не один, а хотя бы два срока. Они украшают жизнь. Счастлива, что знала его".

Аналогичные мысли высказывали ВСЕ, с кем мне довелось беседовать о Викторе Алексеевиче Селявине. Счастлив, что успел встретиться с ними, что в моем доме хранится некогда принадлежавший Селявину фото-портрет Чайковского с автографом, который великий композитор начертил в Одессе в далеком 1893-м году.

Художник с окраины

В одесских журналах начала XX века — "Волна" (1910), "Крокодил" (1911-12), "Бомба" (1917, 1919) — часто появлялись рисунки художника Аристарха Аристарховича Кобцева, изящные, несколько манерные, в стиле очень популярного в те годы (сейчас сказали бы — "культового") английского графика Обри Бердслея. На местных выставках Кобцев регулярно показывал не только графику, но и живопись. Художнику была суждена долгая жизнь, но даже та скромная популярность, которая сопутствовала ему в начале карьеры, к ее закату сменилась почти полным забвением.

Из автобиографии 1950 года: "Я родился 6/IV 1884 г. в семье разметчика Одесских ж. д. мастерских Кобцева А.Ф., проработавшего в них беспрерывно 60 лет. Окончив Одесское ж. д. техническое училище [1897-1901], я работал в ж. д. мастерских с [января] 1902 г. беспрерывно до 22/V 1941 г. (впоследствии ж. д. маст. переимен. в Январский краностр. завод) в качестве чертежника, техника, конструктора и преподавателя графических предметов; в период службы я закончил худож. курсы Остроменского".

Частные рисовальные курсы (а с 1900 года — рисовальная школа) Адольфа Остроменского пользовались в Одессе заслуженной популярностью и давали хорошую профессиональную подготовку. Обычно после окончания школы ее выпускники продолжали образование в Одесском художественном училище — или за границей. Кобцев не стал учиться дальше. Нет сведений и о каких-либо его поездках за границу. Складывается впечатление, что всю жизнь он занимался творчеством для души, в свободное от официальной службы время. Работа в железнодорожных мастерских, преподавательская деятельность, подготовка к выставкам, сотрудничество в журналах — согласимся, это достаточно напряженная жизнь.

Поэт, переводчик С. Малларме, одессит Марк Талов в не опубликованных до сих пор записках "Моя юность" (машинописный экземпляр их есть в архиве С.З. Луцки) вспоминает осень 1907 года и свои визиты в редакцию одной из появившихся тогда недолговечных газет: "Последний номер "Студенческого голоса" был № 6. По этому номеру я себе живо представляю Аристарха Аристарховича Кобцева, поэта и художника, впоследствии написавшего обложку моей пробы пера, вышедшей в марте 1912 года; помню его, высокого и застенчиво улыбавшегося, мы с ним возвращались из редакции, и я ему завидовал:

"Вот ведь! Его напечатали, а меня нет!". Он был тих, как осенний день на окраине города, да он и жил на окраине...". (Кстати, вопреки обыкновению людей того времени то и дело менять адреса, Кобцев на протяжении всей жизни — от каталогов дореволюционных выставок до анкеты начала 50-х годов — приводит неизменный адрес: Ближние Мельницы, Молчановская, 13).

Что же конкретно имел в виду, чему "завидовал" Талов? В "Студенческом голосе" публиковалась, в основном, молодежь. Из ныне известных фамилий там можно найти статьи и критические обзоры популярного в недалеком будущем одесского журналиста Н. Инбера и уже успешного утвердить себя художника и критика М. Соломонова. Соломонов сделал для газеты и заставки в стиле немецкого Сецессиона. В № 5 от 19 ноября в рубрике "Ответы редакции" читаем: "А. Кобцеву. Ваша "Великая Утопия" будет помещена в одном из ближайших номеров "Студ. Гол." Пишите еще". Новелла Кобцева — символический опус, очень характерный по стилю, высокопарно-восторженному и несколько невнятного, и по идеям, где переплетены жизнь — смерть, творчество, "новый человек — мировой колосс любви", "Грядущее Солнце" и т. д. В ней нет выраженного сюжета, нет конкретных образов, но есть классическая ситуация — разговор Учителя с учениками, собственно, исповедь Учителя ученикам. Это тоже своеобразный документ эпохи, в котором отразились мысли и чаяния, эстетические и нравственные идеалы молодых людей эпохи. Нельзя не учитывать, что автору в это время было всего 23 года.

Итак, фрагмент "Великой Утопии", описание моря, в котором, на наш взгляд, прочитывается не только уровень литературной одаренности автора (честно говоря, достаточно скромный), но и его видение художника:

"Вот из-за дороги, вползающей на скалы, с росшей на них ржавой шерстью травой, в которой, горя пожаром, путались лучи солнца, показалось море [...].

Мелодия вечности несется в шуме морских волн, и зеленое сердце моря наполняется кровью неба, неся пурпур в извилинах бегущих волн, глотая играющие лучи своей прозрачной бездной... Иногда это море, дремотно распростершись у ступеней скал, опрокидывает на себя их спокойствие, мрачную ненарушимость и краски бегущих облаков, расстилает по всей поверхности и несет их во всей безмятежности. Но теперь я стою среди великолепия бури сладострастия моря, моря жизни, когда его жидкие губы стремятся выпить бурные краски мчащихся в огне облаков, когда зной улегся в его далекие ложа и рассеянные брызги искрящегося блеска солнца пляшут танец жизни на его груди.

Я чувствую борьбу сумерек, надвигающихся в желании поглотить его красоту. А море агонией огней воскрешает жизнь в своих недрах, разрывает свою грудь, обнажает дно своей души, тайну мироздания..."

В этом же номере "Студенческого голоса" в рубрике "Среди них" (имелись в виду люди искусства — художники, актеры, музыканты) промелькнуло такое сообщение: "Молодой начинающий художник А. Кобцев в настоящее время работает над полотном: "Бог Саваоф". Манера письма приближается к способу суздальского иконописания". Вот, оказывается, с каких опытов начинал художник. Все последующие, как сохранившиеся, так и известные по описаниям живописные его работы сделаны в совершенно другой манере, в стиле, навеянном, скорее, французскими импрессионистами, а уж никак не русской иконописью.

С 1909 года Кобцев регулярно участвует в местных выставках. Это, прежде всего, выставки Товарищества южнорусских художников, где он, правда, с перерывами, показывался в течение десяти лет, с 1909 по 1919 (в 1919 вступил в члены Товарищества). Это знаменитый I Салон Владимира Издебского, "интернациональная выставка картин, скульптуры, гравюры и рисунков", открывшаяся зимой 1909-10 годов. В Одессе работы Кобцева не экспонировались, но весной 1910, когда Салон переехал в Петербург, в каталоге появилась страничка: "Кобцев. 219. Рисунок". В 1910 году кружок молодых одесских художников затеял журнал "Волна". Вышло всего несколько номеров, в каждом из них — рисунки Кобце-

ва. На весенних выставках молодежи 1913 и 1914 годов Кобцев не только выступил как полноправный участник, но оформил обложки каталогов выставок, а в каталоге 1914 года поместил несколько рисунков. Естественным было и его участие во всех выставках, организованных одесскими "независимыми". Работы Кобцева никогда не попадали в центр внимания публики и критики, но тем не менее, в рецензиях можно найти целый ряд отзывов, которые дают достаточное представление об отношении к художнику.

Мцыри, "Одесские новости", 24 апр. 1913 года: "Очень интересны рисунки Кобцева, который находится под заметным влиянием Бердслея. У него большая техника пера, есть своеобразная выдумка и недурной вкус. Красочные его вещи несколько слабее, но не лишены приятных сочетаний".

Летиция (М. Симонович), "Одесские новости" за 1916 год: "Слишком явственна преемственность от всех богов у А. Кобцева. Он выставил целый ряд вещей, настолько не схожих по общему тону живописи, по всей трактовке, что трудно даже уловить сквозь это многообразие подлинное лицо художника. Он пробует себя то в прозрачных голубовато-зеленых тональностях, то прибегает к резким и тяжелым контрастам, переходит от звучности *plein air* к тусклости музейных тонов. И только его миниатюры в переливаемости эмали и графические работы, тщательно и любовно отделанные, остаются неизменно те же. И не к ним ли устремлены настоящие симпатии художника?" (10 нояб.); "Он воспринимает Бердслея сквозь призму его вернейшего последователя — русского графика Теофилактова. Подобно последнему, строит свои фантастические ландшафты, населяя их образами греческой мифологии. К этим влияниям он прибавляет еще манеру старинных гравюр. И очень умело пользуется ею. Нужно, как в миниатюры, взглянуть в его рисунки пером, и только тогда выявляются качества его работы: каллиграфическая точность, разнообразие и тщательность штриха. Даже в самых мелких деталях штрих послушно следует форме, объемлет и заполняет линейную плоскость [...]. Кобцев достиг бы гораздо большего, если бы сумел отрешиться от слишком филигранной кропотливости" (10 дек.).

После установления в Одессе советской власти Кобцев продолжал преподавать графические дисциплины в ФЗУ при железнодорожных мастерских (позднее завод им. Январского восстания), школе рабочей молодежи, ремесленном училище № 2. Участвовал он и в местных выставках — общества им. К. Костанди (членом которого был с 1925) и практи-

Меланхолия.

После театра.

Афиша.

Взгляд.

чески во всех в 30-е годы. В 1938 году Кобцев стал членом Союза художников Украины, в предвоенные годы был в правлении Союза. А в декабре 1940-го состоялась выставка — творческий отчет художников А. Кобцева и М. Муцельмахера. В предисловии к каталогу выставки М. Котляр писал: "А. Кобцев не ограничивает себя каким-либо одним жанром, он с одинаковым интересом работает над пейзажем, портретом или бытовой темой [...]. Насыщенно-цветные тени, смелое сопоставление холодных и теплых тонов придает пейзажам А. Кобцева праздничную нарядность и жизнерадостность. Основное проникающее их чувство — оптимизм. Художнику присущи чисто декоративные стремления".

Из автобиографии 1950 года: "Во время оккупации я на завод не возвратился и перешел на педагогическую работу в лицей № 2, потом в среднее музыкальное училище и художественное училище по специальности преподавателя рисования".

В рукописных воспоминаниях Д. Крайнева упоминается работа Кобцева в открытой румынскими оккупационными властями Академии изящных искусств. В одной из послевоенных анкет, заполненных Кобцевым для СХ, есть запись: "1941-1944. Преподавал в лицее № 2, лицее при Одесской консерватории, Академии изящных искусств. Член Общества одесских художников". Добавим, что в 1942 и 1943 годах состоялись выставки "Salonul Oficial", в которых участвовали румынские и одесские художники. Среди одесситов — такие имена как Е. Буковецкий, М. Жук, Д. Крайнев — и А. Кобцев.

Из автобиографии 1950 года. "Теперь не работаю в школах и живу на пенсию и случайную работу в худ. мастерских [Одесского художественного] Фонда".

Кобцев дожил до 1961 года. Участвовал в нескольких областных выставках 1940-50-х годов. Из его работ в Одессе известны журнальная графика начала века, да два пейзажа в собрании Художественного музея. Что-то, вероятно, можно найти в частных собраниях, что-то увезли с собой его родственники, лет двадцать назад переехавшие в Кишинев. Ни следя, ни архива... Картина, к сожалению, типичная для нашего времени.

"Сапожная мастерская Альтмана"

"И сокращаются большие расстояния", как пел когда-то незабвенный Марк Бернес, когда... включаешь Интернет. Вдруг возникают, кажется, навсегда утраченные связи, знакомства. Так недавно я получила неожиданно привет по Всемирной паутине от моих бывших студентов Леночки и Валеры Качаевых, состоявшихся в Москве как художники, ставших молодыми родителями трех очаровательных дочерей. Завязалась переписка, и в одном из писем они упомянули несколько запомнившихся им сюжетов, из тех, которые я, признаюсь, довольно часто влетала в ткань своих лекционных повествований.

Один сюжет из упомянутых не вызвал у меня никаких ассоциаций, и я даже попросила напомнить, о каком сапожнике Альтмане идет речь.

И получила в ответ развернутое повествование о том, как, придя в мастерскую Натана Альтмана, я умудрилась сломать каблучок, и Натан Исаевич мне его тут же восстановил...

Конечно, конечно же, я никогда не забывала об этом дне, вот только забыла про каблучок, что-то было не так, то ли я двадцать лет тому назад что-то запаматовала, когда вдруг, говоря о художнике Альтмане, приплетла эту историю, то ли какая-то другая накладка произошла...

А в мастерской Натана Исаевича я побывала лет сорок тому назад.

Как-то мой приятель по университету, старше меня на два курса, вдруг упомянул, что его родители знакомы с вдовой Бенедикта Лившица (кажется, они жили по соседству), причем имя автора "Полутораглазого стрельца" ему ничего не говорило, но вот имя Альтмана, с которым поддерживала знакомство вдова футуриста, моему собеседнику уже было известно. Знаменитый портрет Ахматовой, как и некоторые другие шедевры, к этому времени был извлечен из зловещей тьмы недоступных запасников и украсил зал Русского музея!

Альтмана я видела перед этим в каком-то концертном зале, где проходил вечер журнала "Юность", на котором Ахмадулина читала свои новые стихи, кто-то еще из тогдашних молодых знаменитостей участвовал в этом вечере, но я не могла оторвать взгляд от живой легенды — от художника, который, по-моему, был почетным членом редколлегии тогдашнего авангардного журнала.

Поэтому, услышав это имя из уст моего приятеля, я с не очень-то мне